

Дамблдор нахмурился, вглядываясь в лицо Гарри, с глубоким подозрением отмечая отсутствие очков, даже когда профессор Снейп язвительно произнес.

«Что за недостаток у Поттера? Невозможность убивать других студентов магией, как настоящий волшебник? Не достаточно волшебник для заклинаний и не достаточно гоблин для меча?» Снейп ухмыльнулся, глядя на него через длинный крючковатый нос.

Флитвик взорвался прежде, чем Спраут успела открыть рот, чтобы возразить.

«Следи за своим языком, Северус. Гарри Поттер - гоблин, второй в очереди на титул лорда своего клана и во всех юридических смыслах такой же, если не больше, гоблин, как и я. При этом он не гоблин по рождению, и в любом туннеле или комнате, где нет магического света или где свет может быть отнят его врагами или начальниками по магии, он слеп, как любой гоблинский младенец. Его змея - скальная гадюка, ее органы чувств вообще не зависят от видимого света, и пока они в паре, он фактически зрячий. Пытаться разлучить его с его змеей - то же самое, что отбирать очки у студента, которому их прописали!» сказал Флитвик, и его рука зависла над палочкой так, что Снейп застыл на месте. Флитвик был чемпионом Европы по дуэлям на протяжении десятилетий, и на пенсии он все еще удерживал этот титул.

«Он не гоблин». настаивал Снейп.

«Согласно Хогвартсу, он гоблин». Профессор Спраут настаивала на своем, доставая пачку студенческих медицинских пергаментов, которые мадам Помфри доставила ей после сортировки.

Размахивая пергаментом перед Дамблдором, профессор Спраут больше напоминала разъярённого барсука, чем имела на то физическое право, когда поворачивалась и прижимала к себе признанного чемпиона Света и победителя Тёмного Лорда Гриндельвальда.

«Он не только принят в Хогвартс как гоблин, а Нудл - как его визуальный помощник, но, поскольку у меня была копия этого пергамента с момента его сортировки, он находится у вас с момента его ПРИНЯТИЯ. Ваше игнорирование этого факта с целью искалечить мальчика не просто незаконно, оно позорно». Профессор Спраут, протиснув лицо через стол, заставила директора откинуться назад, чтобы не видеть её.

Дамблдор отступил и попытался привести другой аргумент. «Скальная гадюка - магическое существо класса X и представляет непосредственную угрозу для других студентов. Если бы это было какое-то другое животное, меня можно было бы убедить пойти на компромисс, но как я смогу противостоять родителям других учеников Хогвартса, если позволю такому монстру находиться в наших залах?» Дамблдор улыбался так, словно только что выиграл перевыборы в Визагамоте, не замечая гневного взгляда Снейпа, направленного на него.

Кровь Гарри взбурлила, и он отреагировал скорее с яростью, чем обдуманно.

«Какое-то другое животное? Какое-то другое животное? Это Хогвартс! Эти стены воздвиг сам Салазар Слизерин, заслоны сотканы из парслемагии не хуже, чем руны Рейвенкло и чары Пуффендуча, и ты смеешь говорить, что змеям здесь не рады!» Гарри разбушевался, а Нудл выскользнул из ошейника в поисках ближайших угроз, шипя и пробуя воздух на вкус.

«Ты смеешь говорить парселтонгу, что он должен отдать своего змея, потому что ему не рады в стенах, возведенных самим Слизерином! Парселтонг и его змея - одно существо, это записано в законе об основании! \$» - шипел Гарри на парселтанга, заставляя змей в рамках портретов Слизерина подниматься из своих рам и злобно шипеть на Дамблдора.

Гарри понял свою ошибку и перевел на английский.

«Вы смеееете говорить парселтонгу, что он должен отдать свою змею, потому что ему не рады в стенах, возведенных самим Слизерином! Парселтонг и его змея - одно существо, это было записано в законе об основании!» повторил Гарри, на этот раз медленно и твёрдо, словно повторяя точные условия штрафного пункта для нарушителя контракта.

«Вы не можете ожидать, что я буду связан какими-то историческими мелочами? Я директор, я решаю, что здесь допустимо и безопасно, а не какой-то третьекурсник с подозрительным и, скорее всего, тёмным даром, о котором знает каждый в волшебной Британии». Дамблдор заговорил так, что его контроль над собой ослаб, и его рука хлопнула по столу, заставив всех детей в комнате, кроме Гарри, вздрогнуть.

Дамблдор понял, что его маска доброго дедушки сползла, и откинулся назад, поглаживая бороду и пытаясь собраться с мыслями.

«Неужели традиции моего Дома больше не достойны твоего уважения, Альбус, неужели слова Основателей, законы, на которых зиждется твоя власть и из которых ты черпаешь свою единственную законную силу, больше не действуют? Теперь я должен сам выбирать, каким из ваших приказов и распоряжений мне стоит подчиняться. Пожалуйста, скажите мне, что это так, потому что я нахожу многие из ваших предписаний...» Снейп позволил своему голосу опуститься на октаву глубже, а его голос стал активно ядовитым: «Ограничивающими».

Когда Дамблдор открыл рот, чтобы возразить, МакГонагалл с немалой долей гнева решила этот вопрос.

«Перестань, Альбус, ты не стоишь на ногах. Твой собственный знакомый - румяный феникс, который легко может сжечь половину Хогвартса и всех студентов, прежде чем кто-то из нас сможет его остановить. Закон есть закон, и тебя он тоже касается. А теперь мы можем перейти к фактической жалобе? Некоторые из нас работают целый день и хотели бы попасть в свои постели еще до рассвета!» МакГонагалл сердито огрызнулась.

Дамблдор вернул себе контроль над собранием и проинструктировал Драко о том, как драматично и косо пересказать историю. По словам Драко, Гарри заявил о намерении мучить и убить Драко Малфоя, чтобы отомстить за гибель родителей. Гермина готова была взорваться, и

только Невилл, физически сдерживая ее и нашептывая ей на ухо какие-то политические анализы, удерживал ее от того, чтобы кричать о каждой лжи.

С другой стороны, Гарри был гоблином и не верил в то, что можно позволить врагу выбирать детали битвы, в которой он участвует. Он повернулся к профессору Спраут и прошептал ей. Удивленно кивнув, она подняла палочку, и из ее палочки выпрыгнул сверкающий серебристый барсук и выскочил из кабинета. Целый ряд острых взглядов - от вопросительных до обвиняющих - отскочил от плеч статной женщины, как земля при пересадке мандрагоры.

Гермиона очень плохо переносила явно пристрастный допрос Дамблдора, поскольку не обладала природным умением извращать, перевирать, перевирать или откровенно извращать правду так, чтобы она была неузнаваема ни в каком другом смысле, кроме, к сожалению, юридического. В конце концов она разрыдалась.

<http://tl.rulate.ru/book/121409/5094667>